

Лики свободы в русской политической мысли XVI века

Анастасия Ермолина

Важнейшей частью русской интеллектуальной традиции является средневековая политическая мысль. К сожалению, в отечественной политологии взглядам средневековых авторов уделялось крайне мало внимания. До сих пор встречается мнение об отсутствии оригинальных политических идей в этот период.

Так, например, в современном научном издании, посвященном русской философии права, политико-правовая мысль Московской Руси характеризуется как «скучный по философским обобщениям период, совпадающий с периодом политического возвышения Московского царства, отмеченного удушливой для духовной жизни и активности обстановкой»¹.

Этому взгляду можно противопоставить точку зрения известного историка древнерусской литературы Д.С.Лихачева, который, отмечая «кипучесть» умственной жизни в XVI в., писал: «Никогда прежде не спорили так много в Древней Руси, как в первой половине XVI века»².

В XVI в. наблюдается необыкновенный расцвет философской и политической публицистики, формулируются глубокие идеи и предлагаются смелые политические проекты, идеяная борьба становится особенно острой.

Проблема свободы, одна из наиболее популярных тем в публицистике и СМИ двух последних десятилетий, привлекающая и внимание научных, была своеобразно осмыслена русскими средневековыми мыслителями. Тщательный анализ предложенных ими трактовок этого понятия способен опровергнуть некоторые из существующих в литературе и общественном со-

знании мифов: о «рабской психологии» и «любви к деспотизму» русской нации, отсутствии в России традиций гражданского общества и т.д.

Для иллюстрации одного из наиболее укоренившихся в общественном сознании мифов приведем пример. В 1945 г. в «Новом журнале» (Нью-Йорк) вышла статья Г.П.Федотова под названием «Россия и свобода». В ста-

---

ЕРМОЛИНА Анастасия Сергеевна – аспирант кафедры философии, политики и права философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. E-mail: an.ermolina@gmail.com

Ключевые слова: русская политическая мысль, власть, свобода, православие, И.С.Пересветов, А.М.Курбский, Иван IV Грозный.

тье автор попытаясь ответить на злободневные вопросы современной ему действительности, рассматривает этапы российской истории с точки зрения наличия традиции политической свободы. В поле зрения публициста попал и XVI в., эпоха царствования Ивана Грозного. Именно первый русский царь, по мнению автора, положил конец всем зачаткам свободы, едва успевшим оформиться в Киевский период. Поставив себя над законом, Иван IV сделал всех подданных своими рабами.

Одной из причин того, почему на Руси не укоренилась свобода, Г.П.Федотов считает «византизм» как культурный тип Византийской империи, который «есть тоталитарная культура, с сакральным характером государственной власти» и который «исключает всякую возможность зарождения свободы в своих недрах»³.

Другая причина – глубинное влияние деспотических татарских порядков во времена ига. Благодаря этим причинам, а также сформировавшейся после падения Византии имперской идеи, поддержанной московскими царями, Россия превратилась в деспотическое государство с централизованной властью, закрепощенным сверху донизу населением, застывшей в обрядах религии, унифицированным бытом.

«От царского дворца до последней курной избы Московская Русь жила одним и тем же культурным содержанием, одними идеалами», в котором свобода – «синоним распущенности»³.

В отличие от Западной Европы, где исторический процесс шел в сторону все большего распространения свободы во всех сферах общественной жизни, Россия, по мнению публициста, развивалась «от свободы к рабству». И именно в XVI в. наступил переломный момент в борьбе за свободу против тирании, в результате которого «побеж-

денные» (в их числе и князь Курбский, которого Г.П.Федотов называет «Герценом XVI века») были отодвинуты с исторической сцены, хотя в действительности были прогрессивно мыслящими людьми.

Мнение Г.П.Федотова не является уникальным, а достаточно распространено. Безусловно, всякая точка зрения имеет право на существование, однако, многие факты при такой трактовке все же остаются неясными. К примеру, остается непонятным, почему в глазах современников царь Иван Грозный не тиран, а скорее благодетель, освободитель (что прослеживается по фольклорным источникам⁴), почему с такой готовностью были восприняты «рабские» идеи и т.п. Указанный миф, в последнее время ставший инструментом политической борьбы, средством манипуляции за счет искаженно поданного исторического материала, нуждается в тщательном изучении.

Представления об обществе и государстве у русских средневековых мыслителей основывались на Священном Писании (книгах Ветхого и Нового Завета) и святоотеческой учительной традиции. В христианской традиции проблема свободы имеет неоднозначную интерпретацию.

По учению православной Церкви, человек сотворен Богом по Своему образу, в силу чего он обладает разумом и свободной волей. Однако главной ценностью является свобода не политическая, а духовная, смысл которой заключается в независимости от греха. Именно духовная свобода создает условия для пользования гражданской (политической) свободой, поскольку человек, сознательно избегающий греха, не нуждается в правовом принуждении со стороны государства для побуждения к общественно приемлемому поведению.

В то же время лишенная духовной основы политическая свобода в государстве создает условия для греха и произвола. Ставить преграду этому произволу является обязанностью государственной власти и заботой христианской Церкви, которые в этом смысле едины в своих целях обеспечения блага для человека. Однако и духовная свобода не обязательно предполагает свободу политическую, первая может реализовываться в любых, сколь угодно суровых социально-политических условиях.

Тем самым, свобода в христианской трактовке – категория двойственная, имеющая в общественной жизни и положительное значение, и разрушительный потенциал.

Надлежащее употребление гражданской (политической) свободы в значительной мере зависит от ее носителей, их духовно-нравственного развития, определяемого направленностью их свободных волй. Тем не менее, в конечном счете, по учению отцов Церкви, в земном мире в результате грехопадения свобода не может быть в полной мере реализована в соответствии с Высшим замыслом.

Библейские представления и богословские идеи легли в основу трех наиболее ярких и интересных политических концепций XVI в., принадлежащих первоицу и публициста Ивана Семеновича Пересветова, князя и воеводы Андрея Михайловича Курбского и царя Ивана Васильевича IV Грозного.

Обращение к их оригинальным трактовкам понятия свободы имеет смысл предварить ссылкой на одну из известных работ польского социолога Зигмунта Баумана, посвященную исследованию свободы как социальной категории.

Как утверждает автор, феномен свободы не является естественным состоянием, неизменной характеристикой человеческого общества, а представляет

собой возникшую в западном мире в определенный исторический момент форму социальных отношений. Вплоть до XVII в. свобода является привилегий отдельных сословий, притом весьма относительной⁵.

Этот вывод представляется чрезвычайно важным для понимания процесса формирования представлений о свободе на Руси в XVI в.

С первых же строк обеих челобитных Пересветова привлекает внимание форма его обращения к Ивану IV – «государев холоп» («быть челом холоп твой государевъ Ивашко, Семенов сынъ, Пересветовъ»⁶). В этой формулировке, на первый взгляд, видится самоунижение челобитчика и возвеличение царственного адресата. Однако, как показал А.Л.Юрганов, подобное обращение не несло какой-либо негативной смысловой нагрузки и было вполне традиционным для русского Средневековья⁷. Вплоть до указа 1702 г. царя Петра Алексеевича в письменной речи употреблялось самоназвание «холоп твой». В этот период холопами считали всех подданных, за исключением членов царской семьи.

Хотя комплекс произведений Пересветова представляет собой скорее политический трактат, нежели религиозное сочинение, идея свободы интересует автора, в первую очередь, с духовной точки зрения. По мысли публициста, причиной общественных бедствий является грех, «неправда».

«Которая земля порабощена, в той земле все зло сотворяются: татба, и разбой, и обида, и всему царьству великое осужжение, всемъ Бога гневят, дияволу угожают»⁶.

Последствием греха, «неправды» становится «неволя», порабощение не только внутреннее, но и внешнее (в виде иноземного ига). При этом «неправда» в сочинениях Пересветова пер-

санифицирована, ее носителями выступают «лукавые вельможи», номинально верующие, но на деле преступающие Христовы заповеди.

В «Малой челобитной»⁶ публицист описывает произвол «сильных людей» в Русском государстве, вынудивших его растратить все свое состояние в «обидах» и «волокитах» по поводу пожалованного государем поместья. Русские бояре, по словам автора, чинят всевозможные препятствия на пути служилых людей, желающих честно служить царю. Но печальнее всего то, что этот произвол невозможно прекратить – «недруги» никого не подпускают к царю («яз тебя, государя благоверного царя, доступити не могу, пожаловатися на них»)*.

Такой меры несвободы Пересветов не встречал ни в одном из государств, где он служил:

«Служил есми, государь, трем королем, а такия обиды ни в котором королевстве не видал»⁶.

Положить предел бесчинствам «прелесников», по мнению Пересветова, способен только «грозный» и «сильный» царь, у которого он и просит защиты и покровительства.

Акцент на необходимости «грозной» власти для надлежащего управления государством, на первый взгляд, содержит в себе восхваление деспотизма и свидетельствует об отрицательном отношении публициста к гражданской (политической) свободе. Однако такой подход был бы серьезным упрощением взглядов автора.

Дело в том, что принцип «грозы», при помощи которого государю необходимо строить свое царство, у Пересветова ограничен другим началом – «мудростью». При принятии полити-

ческих решений царь неизменно должен руководствоваться мудростью, которая дарована ему Богом («от Бога мудрому при роженному»), а не собственным своеволием и самочинием. «Гроза» и царский произвол – вещи неподобающие.

Поскольку вельможи не хотят свободно исполнять Божии заповеди, то их свобода должна быть ограничена царским принуждением, и в результате в государстве будет наведен порядок.

Следуя этой логике, можно было бы сделать вывод, что порядок в иерархии ценностей Пересветова стоит гораздо выше свободы, что свободу он приносит в жертву порядку.

Однако это не так.

Пересветов отстаивает свободу как наилучший способ мотивировать подданных достойно исполнять свои обязанности. Свобода в его понимании – это свобода от произвола, равенство в возможности нести честную службу, возможность беспрепятственно исполнять свои обязанности.

И именно таким образом понятая свобода становится залогом свободы (сохранения суверенитета) государства, защиты государства от «неволи».

Где в таком случае проходят границы власти государя?

В «Большой челобитной» Пересветова для провинившихся чиновников предусматриваются строгие наказания, которые, однако, основаны не на постановлениях закона, а исходят единственно из государевой воли.

Царь создает для «воинников» необходимые условия несения службы, однако при этом жалует или казнит, распоряжается их жизнями по собственному усмотрению, то есть воины фактически являются рабами государя.

* Впрочем, известно, что Иваном IV был учрежден специальный Челобитный Приказ под руководством А.Адашева для подачи различных жалоб от населения.

Тем не менее, царский суд, по мысли Пересветова, не может быть несправедливым, поскольку государь сам является рабом Бога и должен, в первую очередь, творить Его волю, блести «правду». Каких-либо иных сдерживающих механизмов для власти царя, помимо суда совести и осознания неизбежного крушения царства по примеру падения Византии, публицист не предлагает.

Таким образом, по мысли Пересветова, в идеале в государстве должна быть выстроена своеобразная иерархия: царь, являющийся Божиим слугой, и подданные, послушные царю, а, значит, и Богу. («Бога бойтесь, царя чтите»).

Решения царя уподобляются по «правде» суду Божьему. Следовательно, противление царской воле приравнивается к богоотступничеству, которое подлежит суровому наказанию.

Идея свободы у князя Андрея Михайловича Курбского получает весьма многогранную и внутренне противоречивую интерпретацию.

На основании имеющихся источников можно выделить несколько уровней понимания свободы защитником «свобод христианских королей».

Первый уровень – обоснование вполне каноничной идеи свободы воли («самовластия»). Критикуя идею предопределенности, мыслитель пишет о самовластии как неотъемлемо присущей человеку способности осуществлять выбор в пользу добра или зла. Особенность взрений князя состоит в том, что понятие самовластия он употребляет чаще с негативным оттенком и, как правило, применительно к тем фигурам, которые для него являются отрицательными (царь, «злые» советники).

Свобода из понятия богословского в его учении превращается в понятие политическое, вводится в общественно-

литический контекст, политизируется (*второй уровень* понимания свободы).

Так, основываясь на идее свободы воли, князь подвергает резкой критике практику принуждению к крестному целованию.

По его мнению, принесение клятвы верности на кресте противоречит известной евангельской заповеди и православно-богословскому понятию свободы. Принося клятвы царю, человек по сути дела отвергает Бога (он вынужден «Христовымъ именем кленуясь, евангелскихъ заповедей отрицатись»⁸) и Богом данные естественные законы, соблюдаемые не только христианами, но и язычниками.

Протест Курбского вызван именно этой обязанностью подданного исполнять любые, даже безнравственные, приказы царя: «точию во всемъ ему (царю. – Авт.) угождати и скверное его и кровоядное повеление исполняти»⁸ (князь приводит пример отречения от родных и друзей во имя государевой воли).

Наряду с принуждением к клятвам, отмечает князь, на Руси распространяется принуждение к клевете и доносам, насильственное постижение в монашество «всеродне» (всей семьей) и иное «неслыханное беззаконие»⁸.

Курбский, в отличие от Пересветова, не считает царскую волю непогрешимой, а напротив, потенциально склонной к злу, чем к добру. Эта воля разрушает свободу подданных, от нее необходимо защищаться путем передачи власти «мудрым советникам».

Таким образом, понятие свободы дифференцируется Курбским в зависимости от того, кто является ее субъектом, носителем (*третий уровень* понимания свободы).

С точки зрения князя, царю свобода однозначно вредна, а советникам однозначно полезна. Почему?

Попытавшись реконструировать ход мыслей автора, исходя из средневековых христианских представлений о свободе, можно утверждать, что наделение советников гражданской (политической) свободой возможно постольку, поскольку их мудрость основывается на духовной свободе.

Именно духовная свобода в некотором смысле дает право на свободу политическую.

Злым же советникам свободу давать нельзя ни в коем случае – не из субъективных предпочтений, а по причине их духовной несвободы, рабства. Духовное рабство правящих лиц неизбежно приводит к преступлению ими тех границ, которые очерчены для всякой власти ее Божественным источником.

Понятие свободы в сочинениях Ивана Грозного, как и у Андрея Курбского, трактуется двояко – и богословски, и политически, постоянно перетекая из одного плана в другой.

Царь, как и его знаменитый оппонент, выступает с позиций восточнохристианского понимания свободы воли*. В «Ответе Яну Роките» Иван Васильевич утверждает: «Господь нашъ Иисусъ Христосъ сотвори человека самовластна»¹⁰.

Принцип самовластия в концепции Грозного неразрывно связан с принципом ответственности в виде посмертного воздаяния: если человек следует Божественной воле («последоваша по стопам Христовым»), он переходит «к вечному царству»; если же «самоволно предаша себе князю мира сего (дьяволу. – Авт.) и прелести его последоваша» – попадает в ад, «царство смертное», где испытывает «бесконечные муки»¹⁰.

Однако в концепции Грозного идея политической свободы в том виде, в каком ее понимал Курбский, не следует из идеи духовной свободы, религиозного самоопределения.

Эти понятия, в представлении царя, принадлежат к совершенно разным областям человеческой жизни. Действительно, Творец изначально наделил человека свободой. Однако в то же время Бог наказывает человека за неправильное употребление этой свободы, то есть за грех, причем происходит это еще в земной жизни человека.

Вероятно, из этого представления царя вытекает его идея о праве правительства, как исполнителя Божьих повелений на земле, наказывать тех, кто преступает Божественный закон.

Это мнение базируется на известном в русской средневековой мысли уподоблении небесного и земного царств и, соответственно, Небесного и земного владык. Божественная и царская воли в представлении Ивана IV – это категории одного порядка; противление им является уже не «самовластием», а «самовольствием» и подвергается царем резкой критике.

Однако правомерно ли говорить о том, что Курбский был защитником свободы, а Иван Грозный – апологетом деспотических порядков?

Справедливо ли утверждать, что Грозный использовал религиозную риторику в качестве идеологического щита, при помощи которого хотел развязать себе руки?

Думается, что такой подход оказался бы серьезным упрощением; вряд ли можно говорить о том, что призыв к жестким управленческим мерам лишь маскировался высокими идеалами православия, как некоторой идеологической формой.

* На этот счет существуют иные точки зрения, приписывающие Ивану IV детерминистский взгляд на проблему соотношения Божественного предопределения и свободы воли⁹.

Человек Московской Руси действительно жил по вере, и в текстах царя видна глубоко продуманная система политических идей, опирающаяся на православное вероучение. Стойкость, непротиворечивость этой концепции, а также ее чрезвычайно эмоциональное выражение (филологи называют литературную манеру Ивана Грозного «кустательным стилем») убеждают в искренности автора.

Дело, скорее, в другом.

А именно, в кардинальном отличии глубинных философских и религиозных взглядов царя на природу человека, его свободу и призвание.

С точки зрения царя, гораздо важнее соблюдения личной свободы умение управлять разнонаправленными человеческими волями для достижения общественных целей.

Иван Грозный полагал, что правитель лучше способен судить о значе-

Насколько все же тот тип власти, который обосновывал в своих произведениях Грозный, выражаясь словами Г.П.Федотова, исключал всякую возможность зарождения свободы в недрах государства?

Тут нужно вновь вернуться к тому, что главная свобода в понимании русских авторов – это духовная свобода, скорби и тяготы – несение креста, сострадание Христу, жизнь сама по себе не имеет абсолютной ценности, ценность имеет вечность. Но этот выбор должен быть осознан и доброволен, и каждый человек должен сделать его самостоятельно.

С другой стороны, князь Курбский, который столь усердно отстаивал привилегию свободы для царских советников, в полной мере вкусили ее «прелести» в соседней Литве: слабая королевская власть не могла защитить права своих подданных (в первую очередь, право собственности), результатом чего явились не просто мелкие конфликты между шляхтичами, а настоящий произвол обеих спорящих сторон.

Большая часть литовского периода жизни Курбского прошла в имущественных спорах и тяжбах¹¹.

Наконец, как утверждают историки, противоречия между интересами королевской власти и шляхты стали одной из причин упадка Речи Посполитой в более позднее время (XVIII в.).

Примечания

¹¹ Графский В.Г. О своеобразии русской философии права // Философия права в России: история и современность. Материалы третьих философско-правовых чтений памяти академика В.С.Нерсесянца. М., 2009. С.8.

- ² *Лихачев Д.С.* Введение к чтению памятников древнерусской литературы. М., 2004. С.170.
- ³ *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. М., 2005. С.390, 405, 409.
- ⁴ *Курдин Ю.А.* Образ Ивана Грозного в народной поэзии Арзамасского края // Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Арзамас, 2005. С. 150–172.
- ⁵ *Бауман З.* Свобода. М., 2006.
- ⁶ *Пересветов И.С.* Малая челобитная // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. Конец XV – первая половина XVI века. СПб., 2000. С. 428, 446, 430.
- ⁷ *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. 2-е изд. СПб., 2009. С.168.
- ⁸ *Курбский А.М.* История о великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси. Т.11. XVI век. СПб., 2001. С. 452, 450, 414.
- ⁹ *Лурье Я.С.* Иван IV Васильевич Грозный // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.2 (вторая половина XIV–XVI вв.). Ч. 1. А-К. Л., 1988. С.375; *Клибанов А.И.* Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М., 1960. С. 336–337.
- ¹⁰ Послания Ивана Грозного // Библиотека литературы Древней Руси. Т.11. XVI век. СПб.,2001. С.228.
- ¹¹ *Филюшкин А.И.* Андрей Курбский. М., 2008.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.

Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписной индекс **36789** в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.
ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@nasled.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>
Подписано в печать 15.11.2010. Формат 70x100 1/16. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО “Джей Ти Принт”. Заказ № 187.